

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. А. Арутюнов

ДРЕВНИЕ ТРАНСТИХООКЕАНСКИЕ СВЯЗИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Уже почти двести дней небольшая лодка, выдолбленная каменными теслами из ствола японской криптомерии, была игрушкой океанских волн. Сперва яростные валы тайфуна едва не разбили ее в щепки, а потом гладкие перекаты зыби спокойно, но беспощадно увлекали ее все далее на восток. Но двое мужчин и женщина, скорчившиеся в лодке, давно потеряли и счет дням, и чувство направления. Да и что можно было сделать единственным оставшимся веслом, даже если бы они и знали, в какой стороне земля? В тот осенний вечер, когда внезапный шторм понес лодку вдоль от скрывшихся за пеленой ливня зеленых берегов родного Кюсю, их в лодке было семеро. Четыре человека погибли от голода, холода и жажды в первые же недели вынужденного плавания. Эти трое сумели выжить в два первых самых страшных месяца — помогли молодость, здоровье и навыки людей, с малолетства привыкших жить у моря и дарами моря. В последующие дни им везло больше — время от времени удавалось собрать немного дождевой воды, поймать то рыбу, то птицу, к тому же уже выработалась какая-то привычка к жизни в утлой посудинке среди моря. На четвертый месяц стало совсем тепло, даже жарко. И все-таки силы постепенно покидали и этих трех.

А на рассвете случилось чудо, то чудо, о котором столько дней они тщетно молились морским божествам, которого ждали, безуспешно вглядываясь в однообразный горизонт. Земля была совсем близко — синяя полоса зубчатых гор, с пробивающимися из-за них первыми солнечными лучами, и белая полоса прибоя вдоль пустынного песчаного побережья. Течение несло их вдоль этого берега, на север, но тут пригодились последние силы и последнее весло.

Ленивый накат выбросил долбленку на низкий берег и, лизнув, подтолкнул и оставил лежать на песке. Люди лежали рядом, такие же неподвижные, как лодка, не в состоянии встать и идти, но всем телом ощущая под собой теплый и плотный песок — опору, землю, жизнь.

Разбросанные заросли странных, невиданных в Японии кустов тянулись вдоль берегов над отмелью — ни листьев, ни ветвей, только чашеколо бурых ребристых стволов, усаженных шипами. Вдруг из-за кустов вышла группа людей. На них не было ни оружия, ни одежды, но облик их был знаком и близок — те же прямые черные волосы, что и у соплеменников спасшихся, та же загорелая, как обожженная глина, кожа, те же чуть раскосые глаза, только носы немножко странной выпуклой формы. И нехитрые рыбацкие снасти, которые они несли, были

хорошо знакомы прибывшим — лески из растительных волокон, крючки из перламутровых раковин, каменные грузила, плетеные сумки для сбора ракушек — все понятное, знакомое. Речь, правда, была непонятна, но смысл слов передавали взгляды добрых глаз — удивленные, сочувствующие, понимающие и дружеские. Было это пять тысяч лет назад.

* * *

С 1956 г. эквадорский археолог Эмилио Эстрада раскапывал поселения людей каменного века на засушливом песчаном побережье южной части своей родины, в районе бухты Вальдивия. Бедная по инвентарю культура вальдивия заинтересовала ученого своей керамикой. Судя по всему, это был один из древнейших памятников с керамикой для всей Южной Америки. Другие сходные культуры прибрежных собирателей и рыболовов этого континента были еще докерамическими. В начальный период раскопок из четырех этапов культуры вальдивия, в дальнейшем получивших обозначения *A, B, C, D*, были известны только поздние: *D* и верхние слои *C*. Эстрада и присоединившиеся к нему затем американские археологи Клиффорд Эванс и Бетти Меггерс пытались отыскать какие-нибудь связи и параллели культуры вальдивия с другими древнейшими керамическими культурами Латинской Америки — со стоянками в Гуаньяпе (Перу), Монагрильо (Панама), Барловенто (Колумбия), Тлатилко (Мексика). Но это были уже преимущественно земледельческие культуры. К тому же преобладанием гладких простых форм они резко отличались от обильно украшенных ямочным, процарапанным и наlepным орнаментом сосудов культуры вальдивия. Только керамика из Тлатилко немного напоминала вальдивийскую, если не типом, то по крайней мере обилием декора. Но радиоуглеродный анализ, сделанный в 1959 г., показал, что даже сравнительно поздние известные тогда этапы культуры вальдивия древнее, чем Тлатилко, на добрую тысячу лет.

Понятно, как были заинтригованы исследователи раскопками более древних этапов этой загадочной древней культуры. Где истоки культуры вальдивия? Как она возникла, с чего началась? На эти вопросы должны были дать ответ дальнейшие раскопки. И ответ последовал настолько неожиданный, настолько невероятный, что вначале он казался скорее недоразумением, случайным совпадением, чем указанием на реальную преемственность.

В последние дни 1960 г. был найден первый венчик красного процарапанного сосуда. Эстраде сразу бросилось в глаза его необычное сходство с некоторыми сосудами японского неолита, так называемой культуры дзёмон. Более пристальное изучение керамики раннего и среднего дзёмона дало Эстраде возможность выявить ряд характерных черт, часть которых имела свои параллели в разных культурах Нового Света¹. Такое сходство отдельных черт при общем различном облике сосудов могло быть и скорее всего действительно было случайным совпадением, но в культуре вальдивия число таких совпадений уже приобретало характер закономерности.

Однако опубликованные японскими археологами материалы, в основном относящиеся к развитым формам среднего периода дзёмона центральной части острова Хонсю, еще не давали полных соответствий с вальдивийской керамикой. В литературе отмечалось, правда, что обилие скульптурных украшений и орнамента веревочных отпечатков,

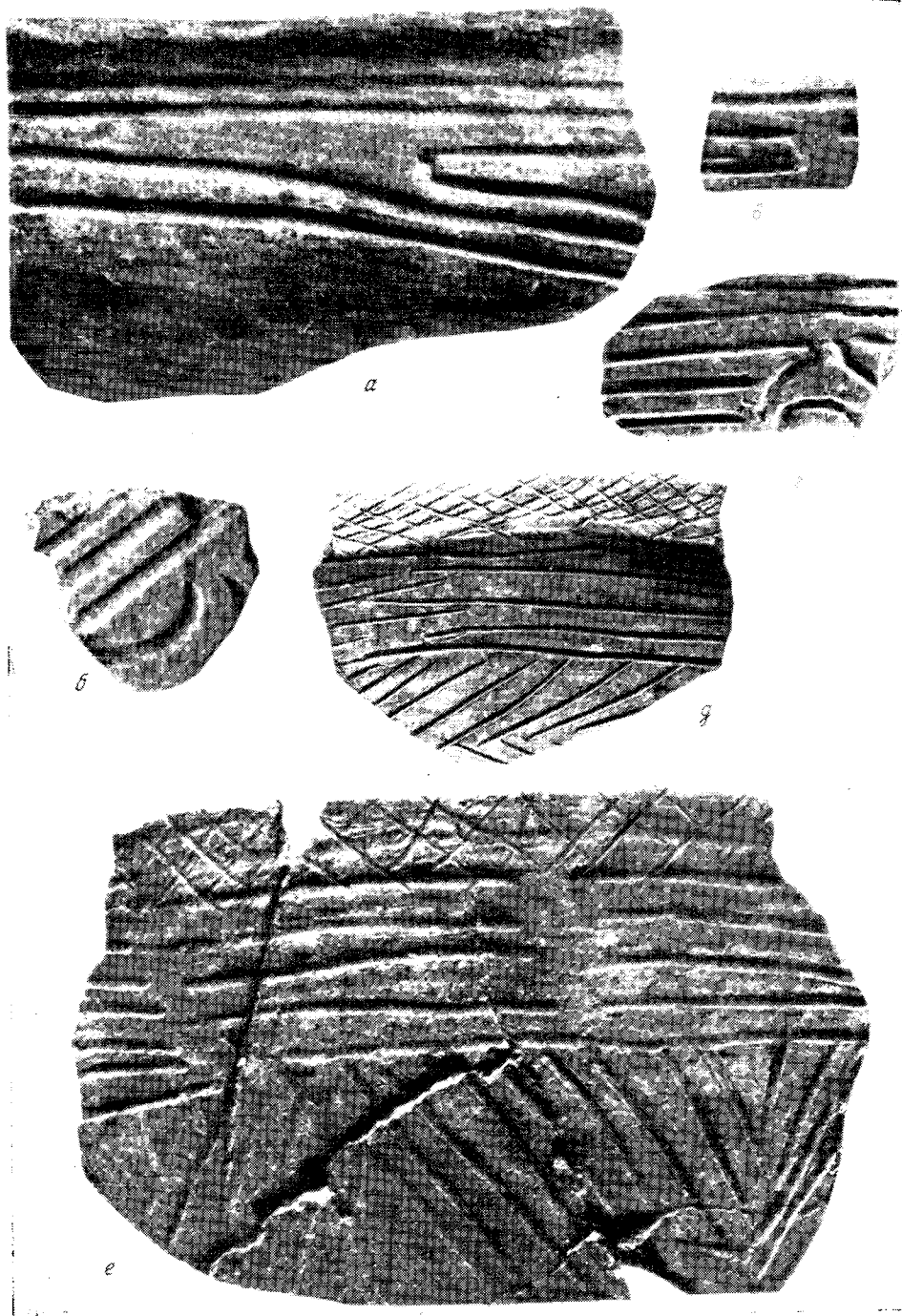
¹ E. Estrada, A complex of traits of probable transpacific origin on the coast of Equador, «American Anthropologist», vol. 63, № 5, 1961, pp. 913—939.

характерное для керамики с Хонсю и резко отличавшее ее от вальдивийской, было менее типично для тех вариантов культуры дзёмон, которые представлены на самом южном острове Японского архипелага, на Кюсю. Но материалы раскопок на Кюсю опубликованы очень неполно и не позволяют вынести достаточно ясное суждение о характере местных культур. Перед исследователями культуры вальдивия встала необходимость самим ехать на Кюсю и ознакомиться с хранящимися там материалами раскопок.

Результаты были ошеломляющими. В неопубликованных и мало известных коллекциях, собранных местными любителями археологии и хранящихся в местных городских университетах, маленьких музеях и даже в средних школах и у частных лиц на Кюсю, американские археологи обнаружили образцы керамики (черепки и целые сосуды), которые, как они считают, практически не отличаются от вальдивийских. Они пишут, что если бы смешать образцы из эквадорских и японских коллекций, то не только ни у кого не возникло бы сомнений в том, что это одна и та же культура, но и многие отдельные черепки, найденные на расстоянии более чем 15 тыс. км друг от друга, были бы сочтены остатками одного и того же сосуда² (рис. 1).

Мы не будем рассматривать здесь более подробно соотношение археологических комплексов южного Кюсю и южного Эквадора. К. Эванс и Б. Меггерс считают, что одни эквадорские образцы кажутся точной копией японских, в других заметное дальнейшее развитие. Некоторые виды орнамента, в эквадорских сосудах выступающие как отдельные формы, на японском материале получают свое объяснение как восходящие к общему прототипу. В целом ряде аспектов они прослеживают, как в Эквадоре происходила постепенная эволюция форм керамики от первоначальных образцов, наиболее близких к японским, до вполне своеобразных форм. Но керамикой и ограничивается генетическое сходство этих двух столь удаленных друг от друга географически культур. Типологически культура раннего дзёмона и культура вальдивия вообще очень сходны. Однако сходство это не больше, чем сходство между любыми двумя удаленными культурами одного и того же хозяйственно-культурного типа. Береговые жители и Японии, и Эквадора на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. (именно эту дату дают радиоуглеродные анализы для тех этапов обеих культур, когда их формы керамики наиболее соответствуют друг другу) вели почти одинаковое хозяйство. Те и другие были прибрежными собирателями и рыболовами, жившими главным образом за счет сбора обильного «урожая» морских моллюсков и прибрежного рыболовства, отчасти дополняемого эпизодической охотой на наземную дичь и собиранием дикорастущих растений. Их рыболовные снасти — крючки из толстых перламутровых раковин, каменные грузила, их рабочие инструменты — каменные молотки, сверла, скребки, сланцевые ножи неизбежно должны были походить друг на друга, так как выполняли одни и те же функции на примерно одинаковом уровне культурного развития. Но таких моментов сходства, которые могли бы быть объяснены не просто одинаковой функцией предмета, но и общим происхождением, в орудиях производства дзёмонцев и вальдивийцев не наблюдается. Напротив, каменный инвентарь, роговые орудия и наконечники стрел, рыболовные крючки из раковин и другие орудия вальдивийцев в своих деталях гораздо больше напоминают аналогичные орудия из других культур Нового Света, нежели японские и вообще азиатские образцы.

² В. J. Meggers, C. Evans, E. Estrada, *Early formative period of Coastal Ecuador, «Smithsonian Contributions to Anthropology», vol. 1, Washington, 1966, p. 160.*

Сходство орнаментальных мотивов и техники их нанесения на керамике культур дзёмон (*a* — Идзуми, *b* — Накусима, *e* — Собата) и вальдивия (*в, г, д*).

Таким образом, речь вовсе не идет о каком-то фантастическом переселении из Японии в Эквадор через Тихий океан большой группы населения. Реальные события, имевшие место около пяти тысяч лет назад, рисуются исследователям культуры вальдивия следующим образом. В эту эпоху на побережье Эквадора и на побережье Японии обитали племена, очень близкие по уровню развития и по хозяйственному укладу. Пожалуй, единственное существенное различие между ними состояло в том, что эквадорцы, по-видимому, вплотную подошли к тому моменту, когда керамика могла бы появиться и у них. В Японии, напротив, керамика существовала уже несколько тысячелетий, хотя решающего влияния на развитие производительных сил это, разумеется, не оказывало. В течение всего периода дзёмона, на протяжении которого керамика развивается от самых примитивных до высокохудожественных форм, охота, рыболовство и собирательство оставались основой хозяйства. В торфяниках Японии хорошо сохранились довольно крупные долбленки-однодеревки этой эпохи, возможно, имевшие даже наставные борта из досок. Не обладая, конечно, высокими мореходными качествами, они все-таки были довольно устойчивы и (при небольшой загруженности) так же непотопляемы, как и обычные бревна, из которых их делали. Кроме лодок, в Японии, как и в других странах Восточной Азии, например на Тайване, были известны мореходные плоты, оснащенные парусом и выдвижными килевыми досками. Любопытно, что от этих плотов по конструкции почти не отличаются перуанские бальсовые плоты, по образцу которых был сделан знаменитый «Кон-Тики».

Судя по расположению их стоянок, неолитические насельники Японии предпочитали рыбачить в хорошо защищенных заливах. Но там, где не было таких заливов, например на восточном побережье Кюсю, им приходилось выходить в море с незащищенных берегов. Наверное, немало первобытных рыбаков гибло во время частых в Японии тайфунов.

Однако какой-то группе рыбаков, очевидно, удалось удержаться в своем суденышке и выжить в течение длительного вынужденного дрейфа в океане. Вообще-то случаи выживания отдельных участников вынужденных океанических дрейфов не представляют особой редкости. Имеются свидетельства выживания после одиннадцатимесячного дрейфа и, как справедливо отмечают исследователи вальдивийской культуры, «возможность выживания должна была быть больше для людей, привыкших жить дарами моря, нежели для привязанных к суше представителей земледельческих культур более позднего времени»³.

При благоприятно сложившейся для быстрого дрейфа метеорологической обстановке лодка, оторванная осенним тайфуном от берегов Кюсю, должна была попасть в систему сильнейших тихоокеанских течений, и сочетание течений и ветра могло увлечь ее по дуге большого круга к берегам Америки⁴. В наиболее благоприятном случае лодку могло

³ B. J. Meggers, C. Evans, E. Estrada, Указ. раб.

⁴ Это система Северо-Тихоокеанского кругооборота. Очевидно, лодку увлекло сперва Куроисио, затем южная ветвь Северо-Тихоокеанского течения, а далее вдоль берегов Америки на юг — сперва Калифорнийское, а затем Гватемальское течение. Последнее очень слабо и действует только в зимние месяцы, а у берегов Эквадора течения идут уже с юга на север. Скорее всего, лодку могло прибить к берегам Эквадора в конце февраля или марта, притом для этого было необходимо исключительно благоприятное сочетание ветров и течений. Отдельные исследователи полагают, что древние мореходы могли использовать Межпассатное противотечение, пересекающее Тихий океан с запада на восток в районе 5—9° с. ш. Однако этот маршрут представляется менее вероятным с навигационной точки зрения.

прибыть к берегам Мексики, но в данном случае, очевидно, лодку несло в отдалении от берегов вплоть до крайней точки, куда достигает течение, т. е. побережья Эквадора. Выброшенные на берег уроженцы Кюсю попали в культурную среду, вполне отвечавшую их навыкам. Очевидно, они были дружелюбно встречены местным населением, которое находилось на стадии расцвета первобытнообщинного строя, не знало ни имущественного расслоения, ни существенных межплеменных распрей и с радостью приняло вновь прибывших в свою среду. Искусство изготовлять керамику, принесенное пришельцами, нашло для себя уже вполне подготовленную почву, быстро было воспринято местным населением и получило широкое распространение. Эванс, Меггерс и Эстрада высказали также предположение, что пришельцы могли занести и некоторые новые культовые моменты, которые можно проследить по параллелям между каменными культовыми фигурками культур вальдивия и дзёмон, но эти предположения уже не являются настолько очевидными, как сходство керамики. Если основные положения гипотезы Эстрады и его коллег справедливы, то каково же принципиальное научное значение их открытия?

Сам по себе эпизод с появлением древних жителей Японии в Южной Америке сыграл сравнительно небольшую роль в ее этнической и культурной истории. Возможно, именно он дал первый толчок распространению керамики на довольно обширных территориях. Однако вопрос о появлении и распространении керамики в разных районах Нового Света еще далек от полной ясности. Во-первых, вполне возможно, что в ряде мест Нового Света керамика могла возникнуть как самостоятельное изобретение. И во всяком случае, бесспорно, что на появление и распространение керамики в Северной Америке решающее влияние оказали никогда не прерывающиеся культурные контакты в области Берингова пролива. Через этот район совершилось первоначальное и основное заселение Америки человеком, и на протяжении всех последующих тысячелетий здесь проходило большинство совершенно явно прослеживаемых линий культурной общности между Старым и Новым Светом в той мере, в какой это касается уровня присваивающего хозяйства, вплоть до сравнительно недавнего времени (конкретно — до появления оленеводства, единственно доступного человеку в высоких широтах).

Займствование носителями культуры вальдивия элементов культуры дзёмон, предполагаемое американскими археологами, также произошло на уровне еще присваивающего хозяйства, хотя авторы раскопок не исключают того, что сами вальдивийцы и их ближайшие соседи уже начинали переходить к земледелию. Во всяком случае последующие керамические культуры во внутренних районах Эквадора и Перу носят уже земледельческий характер⁵.

Однако если потерпевшие бедствие мореплаватели из Азии сумели добраться живыми до берегов Америки за три тысячи лет до н. э., то вполне вероятно, что такие же случаи могли быть неоднократно как раньше, так и позже этой даты. Случаи более ранние менее вероятны и, очевидно, всегда останутся не только крайне трудно определимы, но и в научном отношении мало значащими. Культуры Кюсю и Эквадора в момент контакта принципиально различались только по наличию или отсутствию керамики: соответственно керамика и оказалась воспринятой. Более ранние же культуры могли различаться не принципиальными

⁵ Подробнее об этих культурах см. в статье: В. А. Башилов, *Связи древних цивилизаций Нового Света*, «Археология Старого и Нового Света» (ред. Н. Я. Мерперт и П. М. Кожин), М., 1966.

культурными достижениями, а только их вариантами — скажем, формой наконечника стрелы. Такие формы могут распространяться при интенсивных контактах соседних племен, но нельзя ожидать от целого племени, чтобы оно изменило старой привычной форме орудия в пользу изобретенной единичным случайным пришельцем. Следовательно, нельзя ожидать обнаружения существенных следов более ранних контактов в культуре.

Совсем иначе обстоит дело с возможностями более поздних контактов в эпохи, когда народы Восточной и Юго-Восточной Азии, прямо или косвенно связанные с центрами древнейших мировых цивилизаций, начали существенно обгонять в культурном развитии своих современников на американском континенте. И естественно возникает вопрос: не могли ли подобные случайные контакты через океан оказывать влияние на ход развития самостоятельно возникавших в Центральной и Южной Америке цивилизаций, привнося в готовом виде такие культурные элементы, распространение которых иным путем, т. е. через район Беринговья, было невозможно вследствие культурной отсталости населения Америки? Вопрос этот не нов и впервые был поставлен задолго до начала массовых археологических исследований на американском континенте. Если о возможных связях древних азиатских и американских культур говорил еще крупнейший ученый начала XIX в. Александр Гумбольдт⁶. С тех пор и до наших дней в течение полутора веков в науке не утихают споры о том, какую роль в развитии древнеамериканских цивилизаций могли играть случайные (а по мнению некоторых, и не только случайные) контакты с представителями цивилизаций Старого Света.

Романтическая тема об азиатском или европейском происхождении древнеамериканских цивилизаций была благодатной почвой для всяческих досужих домыслов, не имеющих ничего общего с наукой. Все это творчество дилетантов и маменьков, мистиков и шарлатанов остроумно смеял американский ученый Р. Уокер в своей недавно переведенной на русский язык книге. Здесь нет надобности повторять его критику в адрес теорий, производящих культурные достижения индейцев Америки от павших к ее берегам остатков флота Александра Македонского или на Хубилая, от десяти колен Израиля или китайских буддийских монахов⁷.

Впрочем, возможности древних транстихоокеанских плаваний между Азией и Америкой находят и более серьезную научную аргументацию. Как Р. Гейне-Гельдерн и Г. Экхольм считают, что отдельные черты культуры, в особенности мотивы искусства, могли быть занесены из Азии в Америку путешествиями купцов и даже миссионеров на торговых кораблях в первые века нашей эры⁸. Но нам все же представляется мало верным, чтобы такие путешествия не оставили существенных следов в исторических источниках. Значительно более убедительны предположе-

⁶ Об этом см., например, G. F. Carter, Movement of people and ideas across the Pacific, «Plants and the migrations of Pacific peoples. A symposium», Honolulu, 1963, pp. 7—22.

⁷ Р. Уокер, Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен, М., 1966.

⁸ R. Heine-Geldern, G. F. Ekholm, Significant parallels in the symbolic arts of Southern Asia and Middle America, In: S. Tax (ed.), The civilizations of ancient America, Chicago, 1951; его же, Some problems of migration in the Pacific, в: «Kultur und Sprache», «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», Jg. 9, Wien, 1959, S. 313—362; его же, Asiatische Herkunft der Süd—Amerikanischen Metalltechnik, «Paideuma», Bd. IV, 1954, S. 347—423. Концепции Гейне-Гельдерна и Экхольма подробно рассмотрены в статье: В. И. Гуляев, К вопросу об азиатских влияниях на древние цивилизации Центральной Америки, «Археология Старого и Нового Света», М., 1966.

ния о плаваниях полинезийцев в Америку и обратно в Полинезию: возможно, именно таким путем распространился в Полинезии батат, растение американского происхождения. Вообще распространение культурных растений в бассейне Тихого океана пристально исследуется учеными многих стран как возможное указание на следы культурного обмена между Старым и Новым Светом. Особенным вниманием пользуются различные виды хлопчатника, распространенного на обоих континентах. Так, Дж. Хатчинсон, Р. Силоу и С. Стефенс в 1947 г. высказали предположение, что азиатские одомашненные сорта хлопчатника были занесены на американский континент, там гибридизировались с местными видами и уже в гибридизированной форме попали на острова Тихого океана⁹. Более поздние исследования ставят это предположение под сомнение¹⁰.

Так или иначе, памятники культуры вальдивия являются пока, пожалуй, наиболее достоверным свидетельством попадания людей и элементов культуры из Восточной и Юго-Восточной Азии в Южную Америку через Тихий океан. Они указывают и вероятные пути и формы таких контактов: занос случайных, терпящих бедствие судов. При этом важно обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, таким путем в более поздние эпохи в Америку, как и ранее, могли попадать лишь отдельные люди, маленькие группы, и то очень редко. Во-вторых, и это еще важнее, конкретный случай дзёмон-вальдивийского контакта показывает, что особенно благоприятные условия для восприятия нового элемента культуры существуют тогда, когда и пришельцы и местное население находятся на более или менее одинаковом уровне культурного развития, принадлежа к сходным хозяйственно-культурным типам. Таким образом, чтобы отдельные черты культур цивилизаций Старого Света могли быть восприняты при случайных контактах, необходимо было, чтобы в момент таких контактов в Новом Свете уже существовали бы цивилизации примерно сходного уровня, подготовленные к их восприятию. А этого-то как раз в большинстве случаев и не было.

Не исключено, что дальнейшие исследования позволят нанести на карту и определить во времени другие сходные конкретные случаи транс-океанского контакта. Такие исследования могут только подтвердить уже общепризнанное в науке положение о самостоятельном создании индейцами Америки древних высокоразвитых цивилизаций, и в то же время покажут, что нигде и никогда человек не существовал в полной изоляции от остального человечества. Каждое такое открытие — новый важный штрих в общей картине истории всей человеческой культуры, делающий ее все более полной и отчетливой.

⁹ J. B. Hutchinson, R. A. Silow, S. G. Stephens, *The evolution of Gossypium*, Oxford, 1947.

¹⁰ J. Hutchinson, *The history and relationships of the World's cottons*, «Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution... for the year ended June 30, 1962», Washington, 1963, pp. 497—515; C. E. Smith, R. S. MacNeish, *Antiquity of American polyploid cotton*, «Science», vol. 143, № 3607, 1964, pp. 675—676.